Протестантизм: pro et contra. Взгляды и полемика отечественных авторов в XVI — начале XXI века. Антология/Под ред. М. Ю. Смирнова. СПб.: Изд-во РХГА, 2012. — 846 с.

Религиозная ситуация в России начала XXI века многообразна, неоднородна и подвижна. Опросы общественного мнения указывают на устойчивую потребность россиян в конфессиональной идентификации, полевые исследования и ведомственная статистика свидетельствуют о стремительном росте численности религиозных объединений, политическое руководство федерального и регионального уровня учитывает религиозный фактор как при создании общенациональных идеологем, так и при выработке конкретных социальных программ и методов их реализации. Основное внимание средств массовой информации направлено на деятельность Русской православной церкви, однако значительный вклад в религиозную жизнь страны вносят и другие религиозные организации.

Существенное, хотя еще слабо отраженное в общественном сознании, влияние на религиозную ситуацию оказывает протестантизм. Богослужебная, социальная, экономическая, политическая деятельность протестантских общин интенсивна, обширна и, по-видимому, свидетельствует об их большом культурном потенциале. В этой связи очень своевременным представляется издание антологии, которая проливает свет на историю протестантизма, позволяет уяснить место этого вероисповедания в российской культуре и предположительно оценить его роль в дальнейшем развитии страны. Кроме актуальных соображений, в пользу создания подобной антологии говорит собственная логика науки. Целостное осмысление протестантизма вообще и протестантизма в России в частности составляет непреходящую задачу историков и философов религии. Упорядоченное собрание текстов разного характера и содержания, от средневековых до современных, являет собой промежуточный этап религиоведческой рефлексии на пути к построению обновленной концепции протестантизма.

Рецензируемое издание при всей широте охвата — более полусотни текстов — не претендует на полноту обзора российско-протестантской темы. По замыслу составителя, известного социолога религии, автора ряда публикаций

по теме протестантизма, «задача данной антологии и состоит в том, чтобы представить читателю освещение темы протестантизма в России именно непротестантскими авторами, данное в динамике его переменных и постоянных характеристик, в режиме pro et contra» (с. 9). В число непротестантских авторов вошли и православные полемисты, и советские безбожники, и представители академической науки.

Весь объем текстов распределен в антологии по двенадцати разделам, которые «охватывают наиболее заметные и важные, с точки зрения составителя, реакции полемической и исследовательской мысли на протестантизм в российском государственном, общественном и религиозном пространстве» (с. 10). Названия разделов таковы: I — «Дореволюционная историография протестантизма в России: официальный ракурс», II — «Первое столетие протестантизма в России: под знаком „изложений на лютоpы“», III — «Взгляд из XIX века на противолютеранскую полемику в России XVI–XVII веков», IV — «От Ивана Грозного до Петра Великого: тернистый путь адаптации протестантов в России», V — «Православно-богословская оценка лютеранского вероучения», VI — «Протестантский след в русском сектантстве», VII — «Одно слово — немцы… (о протестантском влиянии на русских)», VIII — «Идеология коммунизма и протестантизм в СССР», IX — «Под прицелом научного атеизма», X — «Протестантизм в постсоветской России», XI — «Феномен Русского протестантизма», XII — Приложения (фрагменты из «Устава Евангелическо-лютеранской церкви» 1832 г., текст ныне действующего «Устава Евангелическо-лютеранской Церкви в России, Украине, Казахстане и Средней Азии», текст «Социальной позиции протестантских церквей России»).

Более или менее развернутая характеристика каждого раздела и каждого автора дана составителем во вступительной статье «Непротестантский взгляд на протестантизм в России». Чтобы избежать повторов, позволим себе отойти от логики изложения, реализованной в антологии, и поделимся наблюдениями и размышлениями, возникшими под воздействием прочитанных текстов.

Антология «Протестантизм: pro et contra» представляет собой многоцветный калейдоскоп фактов, суждений, оценок протестантизма в России. Она читается легко, увлекательно, полезна в плане расширения общей исторической и религиоведческой эрудиции.

Но что важнее — собранные под одной обложкой тексты, вступая в диалог друг с другом, исподволь втягивают в собеседование и читателя, заставляют его удивляться отдельным фактам и суждениям, побуждают задаваться отвлеченно-теоретическими и мировоззренческими вопросами. По ходу умножения точек зрения, представленных в книге, картина российского протестантского быта, нравов, понятий становится богаче и сложнее. И тем отчетливее и настоятельнее выступают вопросы об исторических корнях и сущности протестантизма, о протестантизме как об особой системе идей и своеобразной психологической предрасположенности, тем сильнее переживается человеческая и гражданская потребность разглядеть в нем социальную и культурную силу, обладающую внутренне заданным вектором действия.

Возникновение протестантизма в Западной Европе воспринимается авторами антологии по-разному. В данном случае суждения и оценки, выносимые представителями православного или светского направлений, в целом ожидаемы, однако интерес представляет сама тональность высказываний, индивидуальные стилистические черты, в которых ярче всего проявляется дух породившей их среды и эпохи. Так, для Максима Грека, современника Реформации, написавшего «Против лютеран — слово о поклонении Святым Иконам», протестантизм, отвергающий иконопочитание, — это несомненное зло, результат распущенности, гордыни и умственной слепоты: «Как аспид глухой, когда услышит обавающего (заговоры), то кладет одно ухо на землю, а другое затыкает хвостом своим, чтобы не слышать голоса, произносящего обаяние, так и эти неразумные, по причине своего непокорства и лености, а главное, по причине зависти, не слушают вразумления...» (с. 55). Эта направленность в оценке протестантизма, склонность объяснять его происхождение произволом отдельных личностей, а также стихийной заразительностью энтузиазма видна и в сочинении Н. Д. Терентьева «Лютеранская вероисповедная система по символическим книгам лютеранства», написанном четырьмя веками позднее. Отчасти извиняя Лютера и Меланхтона, «людей талантливых и богословски образованных, вдобавок же — охваченных искренним религиозным одушевлением» (с. 313), православный полемист усматривает в их писаниях «кое-что светлое, а гораздо больше темного» (с. 308).

Начальные попытки рационально объяснить Реформацию были связаны с критикой средневекового западного христианства. К примеру, в материале И. И. Соколова «Протестантская пропаганда и реакция на нее в России XVI и XVII веков» мысль о естественном характере выступления против злоупотреблений католической церкви выражена так: «Лютеру же удалось лишь объединить оппозиционные движения, возникшие в Западной церкви с самого почти отделения ее от Восточной… он с князьями сумел придать всем им новую форму социального политического протеста и сепаратизма» (с. 163). У светских авторов анализ причин Реформации идет дальше. При объективном научном подходе религия лишается статуса первоосновы человеческого бытия, принимающей по обстоятельствам разные формы, и сама превращается в одну из форм культуры. Внутренний кризис католицизма, его неспособность удовлетворить мировоззренческие запросы широких слоев населения предстает как следствие общей культурной эволюции, а религиозные процессы поставлены в зависимость от экономических, социальных и политических. В частности, такое понимание выражено в тексте Л. Н. Митрохина под заголовком «Наш интерес к протестантизму»: «Принципиальные положения протестантизма определялись житейским опытом, отразившим особые представления людей о равенстве, внутренней свободе и независимости человека, его долге и призвании, которые стихийно складывались у людей, все более вовлекаемых в специфические буржуазные отношения» (с. 452).

Подобных объяснений, раздраженных или в меру благодушных, удостоилась и дальнейшая история протестантизма. Кто-то из авторов считает эту историю случайной, кто-то закономерной, одни усматривают в ней происки врагов церковного единства, другие — неизбежный этап развития религиозной идеологии. Особое внимание в антологии уделено распространению протестантизма в России. Первые лютеране появились в России еще при жизни своего духовного вождя. Но когда именно присутствие отдельных иноземных ремесленников, художников, торговцев, аптекарей обернулось прочно укорененным в русской почве протестантизмом? В середине ли XVI века, когда немецкие общины обосновались в Москве, Владимире, Угличе, Костроме, Нижнем Новгороде, Твери, Казани и Архангельске? Или в 1575 году,

когда протестанты получили разрешение на строительство своего храма под Москвой? Тогда ли, когда свободное от авторитета истолкование Библии поразило русские умы и побудило к отходу от православной церкви тех, кто принадлежал ей от рождения? Или тогда, когда реорганизации по западноевропейскому образцу подверглось все государственное устройство, а иностранцы оказались у кормила правления? Или, может быть, протестантизм вполне стал русским явлением, когда в народе под давлением неудовлетворенных духовных потребностей возникли свои внецерковные формы религиозной жизни, независимые от иноземного влияния? Вопрос периодизации протестантизма в России важен для авторов антологии, большинство из них его затрагивают или в общем виде, или освещая историю отдельных общин — лютеранской, штундистской, баптистской, меннонитской, пятидесятнической и т. д.

Во многих текстах прямо или косвенно обсуждается «душевная организация» протестантов. Разные наблюдатели отмечают повышенное чувство личного достоинства, присущее протестантам. Даже те, кого трудно заподозрить в симпатиях протестантизму, признают, что «своим благочестием и строгостью жизни протестанты много способствовали очищению нравов между православными, особенно возвышению общественных добродетелей — человеколюбия, благотворительности, честности, трудолюбия» (Барсов Н. И. «Протестантизм в России», с. 37). Нравственная самостоятельность и редкая работоспособность опираются на принципиально разумное отношение к религиозному откровению и к жизни. Частными следствиями рационализации веры стали подчеркнутый аскетизм богослужения, отказ от богатой обрядности и сложной иерархии католической и православной церквей, мечта о том, чтобы «осуществить Царство Божие на земле... водворив любовь, общее довольство, равенство без порока и преступления» (Победоносцев К. П. «Новое христианство без Христа», с. 341). Направление душевной жизни российских протестантов менялось в зависимости от исторических условий. В тесные времена их служение Богу принимало строго профессиональную форму, удовлетворяя «тому идеалу, который наметило себе русское правительство относительно иностранца» (Цветаев Д. В. «Борьба с протестантским влиянием в Московском

государстве до Петра Великого», с. 180), а когда предоставлялась возможность, они всеми способами проповедовали свои взгляды, и весьма успешно. Через десять лет после начала равного миссионерского соревнования, обеспеченного Указом об укреплении начал веротерпимости 1905 г., православный публицист А. Ф. Гиляревский был вынужден признать превосходство протестантов: «Их народная миссия стоит на недосягаемой высоте» («Немецкое засилье в русской народно-религиозной жизни», с. 365). В советское время социально-психологический облик протестанта лишился выразительности. В безбожном государстве перед верующими закрылись возможности полноценной общественно-религиозной жизни, в социалистическом государстве исчезла перспектива религиозно-экономической деятельности. Социальная почва под самосознанием сеятеля Божьих слов и отмеченного свыше специалиста размылась, потерялась точка опоры для применения религиозных норм и ценностей в повседневной жизни, и в результате «представление о деятельном, активном человеке почти полностью утрачивается» (Савельев С. Н. «Протестантское сектантство в свете атеистической пропаганды», с. 444).

Побочным следствием предреволюционных религиозных свобод и затем жестокой религиозной политики СССР стало ослабление национального сознания. Поборников русского православия в XIX веке еще волновал вопрос, может ли русский человек по своему психологическому складу быть протестантом, хотя уже Иван Грозный в ответе Ивану Роките на критику церковного предания отметил универсальную, наднациональную природу веры («именуется „наша“ вера не русской, но христианской, зовутся «люди» христианами, а где зовутся иным именем, по названию земли, тут ересь и раскол», с. 80). К середине 20-х годов XX века, после миссионерских приобретений баптизма и евангельского христианства, методистов и пятидесятников среди этнических русских, национально-религиозный вопрос потерял остроту. В начале XXI века переменилась даже национальная принадлежность российского лютеранства, которое за счет мощного притока русских неофитов превращается «в российское патриотическое движение» (Лункин Р. Н. «Протестантизм в России: новая сила гражданского общества», с. 496).

С фактором обрусения и благоприятными условиями религиозной свободы связаны

любопытные эволюции внутри современного протестантизма. Традиционное для протестантского сознания противопоставление духовного прочтения Библии и внешней ритуальности православия в новейшей российской истории становится все менее резким. А. С. Струкова и С. Б. Филатов отмечают «свойственное практически всем активным протестантским церквам в современной России более или менее осознанное стремление к элементам православной обрядности» («От протестантизма в России к российскому протестантизму», с. 545), строительство церквей «с благолепием», усвоение торжественных пасторских облачений, возврат к почитанию икон (с. 545–547). Т. К. Никольская дополнительно указывает на приближение протестантского языка к православной норме и «распространение епископальной системы управления вместо конгрегациональной» («Русские протестанты в XX веке», с. 591).

Русская образованная молодежь активно участвует в жизни протестантских общин, развивая миссионерство, религиозное образование, журналистику, реализуя социальные программы, все отчетливее формулируя и свои политические интересы. Исследовав разные параметры современной религиозной ситуации в России, Р. А. Лопаткин пришел к выводу, что протестантские церкви — «это наиболее динамичная часть религиозного населения страны» («Религиозная ситуация в России и место в ней протестантизма», с. 462). При этом наряду с практической работой российская протестантская интеллигенция посвящает внимание выработке мировоззрения, которое соответствовало бы ее настоящему положению. Отсюда интерес к православному богословию и русской духовной традиции, в которой многие находят истоки своей религиозности. Так, по наблюдению О. В. Васильевой (Боковой), «современные русские протестанты отождествляют себя не с европейской Реформацией и западным протестантизмом, а с той традицией евангельского христианства, которую они обнаруживают в глубинных пластах русской духовной культуры» («Современный русский протестантизм: в поисках себя», с. 563).

Протестантизм в России сегодня присутствует как факт. Как этот факт объяснить и как к нему отнестись? Не покушаясь хотя бы на приблизительную полноту обзора существующих концепций протестантизма в России, адресуем заинтересовавшегося предметом читателя к самой антоло-

гии. В этой книге, вполне соответствующей назначению научно-просветительского издания, можно обнаружить еще много интересных и полезных сведений, как в основных публикациях, так и в комментариях к ним.

П. Нешитов